

Величеством идеи революционизации России, сегодня никто уже в точности сказать не может. Во всяком случае, из документов видно, что все действия в этом направлении продолжаются с высочайшего одобрения. И они по-прежнему финансируются.

Большая стопа документов на тему «Стратегия апельсиновой корки», по всей программе революционизации, по поддержке политических акций и прежде всего по их финансированию миллионными суммами вплоть до российской Октябрьской революции, а также после нее, до сих пор благополучно хранится в архивном подвале германского Министерства иностранных дел.

Правда, все материалы после Второй мировой войны были отправлены в качестве военных трофеев для их оценки в Великобританию, но позднее они вновь возвращаются в немецкие руки.

Эта в высшей степени поучительная часть документов германской истории хранится стопами в форме толстых фолиантов с надписью «Министерство иностранных дел, Отделение А, Секретные акты, касающиеся войны 1914 г.» в Политическом архиве. Ниже можно прочесть пометки, написанные от руки модернизированным (округленным) готическим шрифтом: «Операции и подстрекательские акции в *России*, особенно в *Финляндии и Остзейских провинциях*».

Акты снабжены грифом «No 11 sec (секретно)»: имена, псевдонимы, даты, огромные денежные суммы, контакты, подставные фирмы, адреса, время встреч...

Одно имя, которое появляется вновь и вновь, чаще всего в сочетании с миллионными суммами, гласит: д-р Александр-Израиль Лазаревич Гельфанд-Парвус.

Кто это?

МЕЧТА О БОГАТСТВЕ

В городке Березина, в северной части выделенных евреям мест проживания в Минской, Могилевской и Витебской губерниях, в мелкобуржуазной еврейской семье Гельфанд 27 ав-

густа 1867 г. рождается сын. Родители дают своему ребенку имя Израиль и, согласно русскому обычаю, добавляют к нему отчество Лазаревич. Позднее фамилия при переводе на другие языки пишется Gelfand, Helfant и Gel'fond.

Когда Израиль вырос и стал учиться и работать в немецкоязычных странах, он, прежде всего для общения с германскими и швейцарскими инстанциями, дополнительно называет себя также Александр (Alexander). Поскольку молодой человек регистрируется как урожденный русский, в личных документах встречается и написание Aleksander.

После большого пожара в Березине, при котором сгорает и родительский дом, семья ремесленника, живущая скромно и по старинным традициям Моисея, переселяется на юг, в Одессу, к Черному морю. Позднее Гельфанд часто и охотно вспоминает о своем детстве в деловом украинском торговом и портовом городе. Открытость миру этого портового города с его прибывающими и отбывающими купцами и матросами со всего света возбуждает его. Пестрая базарная суeta украинцев, армян, грузин, евреев, турок и персов захватывает молодого Гельфанда.

Но он видит в этом городе и ужасное: картины жестоких погромов против городских евреев он не сможет забыть всю свою жизнь. Это укрепляет его стремление бороться с несправедливостью и бесчеловечностью. Так вызревает его отвращение к системе царизма.

Он заканчивает гимназию в Одессе. Его родителям как-то удается устроить, чтобы их любознательный и жаждущий знаний сын мог дополнительно получать также частные уроки по математике и различным гуманитарным предметам. До поздней ночи он с восторгом читает произведения украинского национального поэта Тараса Шевченко, французского социалиста Пьера Жозефа Прудона, чья максима «Собственность – это кража» приводит Гельфанда в замешательство. К его любимым авторам принадлежат также русские анархисты князь Кропоткин и Михаил Bakunin. Он с большим усердием следует рекомендации Чернышевского, что русская интеллигенция должна обратиться к проблемам политической экономии, особенно к теоретическим работам английского экономиста Джона

Стюарта Милля, и с этих пор экономические исследования сильно влияют на мир его идей. Его присоединение к революционным кружкам и группам в Одессе является только вопросом времени.

В 1886 г. Гельфанду предоставляется возможность побывать в Швейцарии. В Цюрихе он быстро устанавливает контакты с тамошней крупной русской колонией. Он с живой активностью участвует в постоянных дискуссиях по российской проблематике, которые ведутся в этом кругу. Беседы большей частью вращаются вокруг литературы, находящейся под влиянием просветительских идей Александра Герцена. Гельфанд изучает работы основоположника российской социал-демократии Г. В. Плеханова, он читает Аксельрода и Льва Дейча.

Годом позже он временно пребывает в Берне, а затем обосновывается в Базеле. В городе миллионеров он посвящает себя изучению политической экономии и естественных наук. Попутно он приобретает познания в области политической истории и развития европейского рабочего движения.

После окончания гимназии в июле 1891 г. его тотчас влечет в Германию, где классовая борьба, по его мнению, ведется не «абстрактно, а как пульсирующая жизнь». Здесь он хочет остаться, и поэтому он обращается к Вильгельму Либкнехту с просьбой помочь ему «задешево» обрести отчество. Он хочет стать германским гражданином и тем самым покончить со всеми придирками, которым его, эмигранта, подвергают германские чиновники. Он не хочет больше оставаться литературно-теоретизирующим «наблюдателем» все более усиливающихся социальных движений и стремится участвовать в переменах активно и непосредственно.

В том же году он поселяется в Штутгарте и вступает в тесный контакт с кругом социалистов вокруг Карла Каутского и Клары Цеткин. Здесь он ощущает теперь свое «новое отчество».

Но вскоре его, беспокойного, тянет в Берлин, столицу своего нового отечества, где он видит духовный центр германской социал-демократии.

После десятилетия упорной и страстной борьбы с социал-демократической политикой Бебеля, Бернштейна, Каутского

и других вокруг дефиниций, представлений о стратегических целях и тактических методов — в этот период Гельфанд избрал для своих обширных публицистических и журналистских работ литературный псевдоним Парвус — Гельфанд и других русских эмигрантов внезапно вырываются из их теоретических дебатов события Кровавого воскресенья в Санкт-Петербурге: 9 (22) января 1905 г. по указанию царя его конные казаки нападают на мирных демонстрантов, мужчин и женщин рубят саблями и расстреливают... Что происходит в России? Беспорядки, восстание, бунт, преддверие революции на пути свержения царской системы? Или уже теперь наступает ультимативная и бескомпромиссная революция? Парвус-Гельфанд высказывает свое мнение, что пролетариат в фазе демократической революции, которая сейчас сотрясает Россию, стал носителем восстания и до окончательного свержения царизма может быть уверен в поддержке со стороны всех классов. Лишь после этого единая оппозиция распадется и каждый класс попытается сам для себя насильственно реализовать свои собственные политические интересы.

Революционные события 1905 г. несомненно приводят и к теоретическим обобщениям Троцкого и Гельфанда, которые описываются понятием «перманентной революции», хотя последний лишь позднее начинает использовать этот термин. Приоритет «первооткрывателей» этого теоретического анализа и вытекающей из него программы им обоим приходится делить с Розой Люксембург, которая уже в начале февраля 1905 г. называет одной из задач российской партии поддерживать «революционное состояние перманентно». В ноябре 1905 г. дефинирует «перманентную революцию» и Франц Меринг. С тех пор это понятие входит в оборот.

После ужасных событий «Кровавого воскресенья» в Санкт-Петербурге революционные настроения в стране обостряются. Гельфанд и многие политически активные российские эмигранты хотят как можно быстрее принять личное участие в социально-политических акциях в стране. В конце октября 1905 г. Гельфанд прибывает в Санкт-Петербург и сразу же включается в политическую борьбу. 3 апреля 1906 г. его арестовывают и, по-

добно его соратнику по теории и практике Троцкому, изолируют в одиночной камере Петропавловской крепости.

Кстати, Троцкий использует одиночное заключение, чтобы завершить свою теоретическую работу о «перманентной революции». Напротив, Гельфанд подавлен тюремной изоляцией. 22 августа 1906 г. его ссылают в Сибирь, в Енисейскую губернию. Несколько позже ему удается оттуда бежать. По настоятельному совету своих соратников он снова направляется в Германию и из Дортмунда продолжает свою теоретическую борьбу, опять издавая работы и комментируя текущую политику. Он вновь пишет для журналов «Форвертс» и «Нойе Цайт».

За два десятилетия своего пребывания в Германии Парвус-Гельфанд становится одним из самых читаемых теоретиков социал-демократии, он публикует массу статей, памфлетов, изложений принципиальных проблем, аналитических исследований, оказавших немалое влияние на политическую мысль и борьбу внутри социал-демократии, прежде всего в отношении России.

Но Гельфанд также впутался в крайне неприятный для германской социал-демократии инцидент: он становится виновником аферы вокруг пьесы «На дне» русского писателя Максима Горького. Писатель обвиняет Парвуса-Гельфанда, полномочного издателя его драмы «На дне» в Германии, что тот задолжал ему доходы на сумму около 100 тыс. марок. Деньги, в соответствии с договоренностью, должны были поступить в партийную кассу большевиков. Поскольку Парвус-Гельфанд пытается выиграть время сомнительными отговорками, взбешенный Горький обращается в партийный форштанд социал-демократов и рекомендует им расстаться с несолидным издателем Парвусом. Приходится создавать следственную комиссию в составе Бебеля, Каутского и Клары Цеткин. В 1908–1909 гг. проходят доверительные обсуждения, официально партийные массы практически не информируются. Именно поэтому распространяются естественные слухи. Дело остается невыясненным, и на Парвусе-Гельфанде остается пятно. После этого, в 1910 г., он из осторожности покидает Германию и скрывается от обстрела российской и германской сторон в Вене. Афера с

пьесой «На дне» становится для Гельфанд предупредительным сигналом в отношении всех его последующих денежных махинаций, где будут фигурировать намного более крупные суммы.

Из своего «морального убежища» в Вене Гельфанд с большим интересом наблюдает за событиями в Османской империи, которые приводят ко все возрастающей напряженности в самой Турции и на Балканах в целом. Гельфанд непременно хочет попасть в Константинополь, непосредственно в центр кризиса. В ноябре 1910 г. он прибывает в турецкую столицу.

Со своим острым чутьем на выгоду Гельфанд анализирует политические и экономические ограничения, возложенные на Османскую империю неравноправными договорами с европейскими великими державами и крупным континентальным капиталом. Он разрабатывает концепции избавления Турции от этих тисков, и турецкое Министерство финансов реагирует с воодушевлением. Это производит впечатление даже на другую сторону, директоров Дойче Банк в Берлине. Влиятельные вожди прогрессивного движения младотурок поддерживают Гельфанда и в 1912 г. назначают его редактором по вопросам торговли популярной ежедневной газеты «Тюрк Юдрум» — подходящий пост для обнародования новых политических и экономических идей. Гельфанд вырастает до роли уважаемого финансового советника турецкого правительства.

Тем самым, наконец, наступает момент, которого Гельфанд страстно ожидал: теперь он сам вступает в деловой мир как деловой человек. Он учреждает банк, торгует древесиной и железом, машинами из Германии, зерном из Одессы. Прежние контакты оказываются чрезвычайно полезными, Гельфанд действует очень ловко, и никто не может доказать, какую личную прибыль он получает от снабжения оружием и амуницией турецкой армии, находящейся в процессе модернизации.

Дела идут настолько хорошо, что Гельфанд уже через два года, когда начинается Первая мировая война, может причислить себя к кругу миллионеров. Это побуждает его предпринять все, чтобы убедить турецкое правительство и влиятельные военные круги вступить в большую войну. Что позволило бы ему, с его новыми связями в мире денег и оружия, рассчиты-

вать на еще гораздо более крупные сделки. Политическое оправдание тут же находится. С учетом прогерманской позиции турецкой политики совместный военный поход против царской России был бы только логичен и после разгрома царской империи принес бы кайзеровской Германской империи, как и Османской империи, крупные территориальные и экономические выгоды. Его аргументам в Константинополе и Берлине едва ли кто-то может противостоять.

Правда, более трезвые турецкие политики предлагают взять некоторое время на обдумывание, аргументируя тем, что турецкая армия вооружена еще недостаточно современно, а транспортные магистрали находятся в катастрофическом состоянии. Гельфанд соглашается, ведь это дает ему возможность заняться модернизацией железной дороги и организовать поставку еще большего количества вооружения. Кроме того, он будет снабжать столицу все большим количеством зерна. Все это — прибыльные занятия!

Его прибыли растут, он становится мультимиллионером. Позднее он скажет, что реализовал в Турции свою мечту о богатстве. Правда, то, как другие прямо и верно говорят, что он нажился на войне, не доставляет гордости ему, социал-демократу.

Он носится с идеей вторжения с турецким добровольческим экспедиционным корпусом — о его вооружении и оснащении он, разумеется, позаботится сам — в пределы Украины. Первые части уже сформированы в Константинополе, но тут история с экспедиционными полицейскими войсками становится достоянием общественности. Приходится трубить отбой.

Эта небольшая неудача — для Гельфанда лишь мазок на его пестрой палитре политических идей по поводу сокрушения царской империи — его не огорчает и ни в коей мере не обескураживает. Его концепция богата нюансами, у него на уме более крупные дела.

Его новейшая идея выглядит просто фантастикой: он хотел бы помочь создать своего рода двойственный союз пруссачества и большевизма. «Прусские штыки и кулаки российских пролетариев», объединенные в совместной борьбе против цар-

ского государства, — вот его великая идея. Гельфанд должен донести эту грандиозную идею туда, где она не только дойдет до ушей, но и может быть реализована.

В 1915 г., сразу же после Нового года, Гельфанд осторожно и со всем почтением зондирует почву у германского посла барона фон Вангенгейма. 7 или 8 января посланник кайзера выслушивает его. Услышанное поражает дипломата, и в связи с политически деликатным содержанием он, вместе с телеграммой № 70 от 8 января, срочно направляет сообщение о беседе в Министерство иностранных дел в Берлин.

Гельфанд хорошо подготовился к аудиенции. Он позволяет себе детально изложить свои мысли о совпадении текущих целей войны германского правительства с целями российских революционеров — хотя и по совершенно разным историческим мотивам — в своего рода плане действий.

Посол фон Вангенгейм сообщает в депеше в Берлин и свое мнение, что Гельфанд в последнее время оказал в Константинополе очень полезные услуги и отправится в Берлин, чтобы быть там наготове для бесед.

Уже 10 января статс-секретарь фон Ягов просит соответствующего унтер-статс-секретаря Циммермана как можно быстрее принять д-ра Гельфанда в Министерстве иностранных дел.

Из Большой ставки командования с более подробными инструкциями о беседе направляется в Берлин д-р Курт Рицлер, ведь в конечном итоге столь далеко идущие планы должны быть продуманы и в Генеральном штабе.

Гельфанд может считать свою первую беседу в Константинополе пропуском в большую политику. Он, новообогатившийся деловой человек, внезапно ощущает, что в качестве центральной посреднической фигуры в рамках крупномасштабнойтайной игры между двумя великими державами Европы действительно может получить власть. — Доктор Александр Гельфанд едет в Берлин в состоянии эйфории.

Беседа в столице Рейха происходит в конце февраля. При этом выясняется, что сначала опять-таки необходимо решить неотложную личную проблему, касающуюся статуса иностранца у представителя враждебного государства, с которым кайз-

ровская империя находится в состоянии войны. Быстро и безо всякого шума. И секретные акты Политического архива Министерства иностранных дел подтверждают намерение срочно отменить первоначально запланированную немедленную высылку российского эмигранта д-ра Израиля-Александра Лазаревича Гельфанда-Парвуса в случае его въезда в Германию. Тут приходится собственоручно подключиться Рейхсканцелярии в лице господина унтер-статс-секретаря. В ответ министр внутренних дел уже 12 марта сообщает об исполнении:

*Министр внутренних дел
IV. с. 1615. II. Ang.*

Секретно!

Покорнейше извещаю Ваше Высокоблагородие в ответ на любезное письмо от б с. м. — Rk. 742, что 7 с. м. я, в духе вышеуказанного письма, направил распоряжение здешнему полицей-президенту об отмене высылки д-ра Гельфанда-Парвуса вследствие соответствующего понимания со стороны упомянутого лица и вследствие выдачи ему полицейского паспорта.

Далее Верховное командование, в ответ на его ходатайство, указало здешней комендатуре об освобождении Парвуса от всех ограничений, касающихся представителей вражеских государств.

По поручению: Древс

Господину унтер-статс-секретарю в Рейхсканцелярии

Теперь для германской стороны персональная проблема в чрезвычайно рискованной политической затее, кажется, решена — во всяком случае, в том, что касается центральной фигуры.

ПЕРВЫЙ МИЛЛИОН

Кайзеровский посол в Копенгагене фон Брокдорф-Ранцау объясняет своему канцлеру в Берлине Бетман-Гольвегу в уже упомянутом письме от 6 декабря 1915 г. также следующее: «Ясно, что д-р Гельфанд не является ни святым, ни удобным гостем».

Брокдорф должен терпеть этого д-ра Гельфанда, его назойливую манеру преподносить себя повсюду как влиятельнейшего